

Если избежать подозрительности

Долго пишет Василий Белов хронику одного из самых трагических периодов истории нашей страны, может быть, за всю ее историю — периода коллективизации. И по мере того, как публикуются книги его хроники — «Кануны», а теперь вот «Год великого перелома» («Новый мир», № 3), — становится ясно, что это главное произведение писателя. Понятно становится и то, что хроникой он называл свою работу отнюдь не потому, что уходит в ней от художественности. Нет, он вовсе не гнался за точностью и последовательностью событий в ущерб изображению характеров цельных и самобытных. И то, и другое в его хронике есть. Думается, что хроникой он назвал свою работу потому, что исследует не только хронологическую, но и психологическую последовательность зарождения зла. Исследует то, как и откуда, почему, в силу каких обстоятельств и причин рекрутировалась армия исполнителей, вершителей народной трагедии. Словом, хроника Василия Белова дает богатую пищу для размышлений, для осмысления событий не такого уж и далекого прошлого, отзвуки которого тут и там еще ахают.

Автор задается подчас такими вопросами, изображает своих героев в таких жизненных положениях, что это не всегда соответствует расхожим стереотипным представлениям. А значит, нам следует или всерьез размышлять над ними, или же душевного спокойствия ради, а может быть, и по другим соображениям от них просто отмахнуться. К сожалению, чаще происходит последнее. А вот критик И. Виноградов отмахивается весьма энергично. В статье «Пути и перепутья Василия Белова» он вообще отказывает писателю в... талантности. Никаких весомых доказательств на сей счет критик не приводит. И попытка вернуть нас к деревенским рассказам писателя, к его «Привычному делу» с Африкановичем не убеждает. Кажется, более всего критик опасается сказать о внутреннем развитии писателя.

И. Виноградов с какой-то подозрительной настойчивостью «пристает» к Белову, чуть ли не ультимативно требуя объяснить читателям: что же такое в его хронике «мировое зло». Правда, говорит об этом чисто риторически. Оказывается, он уже знает, что это такое. В форме вопросительной он его называет: не подозрительная ли тут концепция о заговоре? Помилуйте, зачем от писателя требовать объяснений? Ведь все, что он хотел выразить, он сказал в произведении. Наше дело вчитаться в него, увидеть то, что в нем есть, а не то, что нам хотелось бы увидеть.

Можно ли строить догадку только на том основании, что писатель помнит о «мировом зле»? Таких оснований нет уж потому, что это-то как раз и находится в традициях отечественной литературы. Неужто мы так бесповоротно напуганы чертовщиной и дьяволиадой, что до сих пор видим ее там, где ее нет? Вспомним хотя бы Л. Толстого, поминаемую им в «Войне и мире» какую-то роевую жизнь. Писатель настойчиво возвращается к бессознательности и стихийности жизни. Говорит он и о неких таинственных силах: «Таинственные силы, двигающие человечество (таинственные потому, что законы, определяющие их движение, неизвестны нам)...» А традиционная тема бесовства, идущая от Пушкина и Достоевского?.. Кстати, есть в хронике Белова и прямое указание на эту традицию устами дедка Никиты: «Беси шныряют...».

Здесь-то и проступает главное, что разделяет литературных героев и толкователей литературы. Прибегая к такому образу, писатели говорят о широте и многозначности жизни, ее в определенной мере непредсказуемо-

сти. Толкователям же, оказывается, все ясно. Они подходят к произведению с уже готовой, как им, видимо, кажется, надежной меркой стереотипа.

Главное — и это, думается, должно было быть замечено в первую очередь, — конфликт в хронике Василия Белова проходит не между этим самым «мировым злом» и измученным народом. Он проходит не между тружениками и персонажами с тенденциозно подобранными фамилиями, как считает критик. Конфликт завязывается между людьми созидающими и, как говорит писатель, приезжими и местными, не имеющими терпения башибузуками. Центральный отрицательный персонаж Игнаха Сопронов как раз свой, тутошний, как говорится, землячок, утративший трудовую и духовную связь с землей. Именно он довел Шибаниху до того, что она стала похожа на похмельную бабу. Именно Игнаха с его «цыганской жизнью» мешал жить, мешал не только Евграфу и Роговым, но и всей Шибанихе. А теперь, считай, и Ольховской области».

В новой части хроники Белов показывает этих людей, независимо от их национальной принадлежности, и на других уровнях, в том числе и на самом высоком, государственном. Показывает то, как благодаря им и учинилась эта «великая свистопляска», начавшаяся печально известной вехой — «год великого перелома». Конфликт произведения проходит между созидающими жизни и «башибузуками», не ведающими разницы «между озимым и яровым севом», но поставленными «над всеми христианами и землепашцы».

Белов показывает в своей хронике, как эти самые «перевертыши» и довели страну до того, что «все вокруг мешалось, путалось и теряло образ», что народ стал ходить не по прежним тропинкам. И было бы это в хронике не столь убедительным, если бы не показывалось на судьбах конкретных людей — Игнахи Сопронова, потерявшего человеческий облик, связь с родной землей, и Павла Рогова, подлинного труженика.

Но есть от чего тосковать душе, разрывавшему сердцу Павла Рогова, понимавшего, что хлеб нужен всякой власти, и вдруг ощутившего нечто совсем обратное. Никакая целесообразность и разумность не управляла той силой, которую выражал Сопронов. И все-таки, несмотря ни на что, зараннее чувствуя, что дело его будет порушено, Павел Рогов строит мельницу. Такова его натура, что он не может жить без труда, не может выразиться иначе, как только через труд:

«Он сел на приступок, оперся локтями о колени и, сцепив руки под подбородком, закрыл глаза. Теплые слезы одна за другой скатывались по щекам в давно не бритую щетину. Павел плакал, улыбаясь чему-то...»

Все ликовало в груди, все радостно отзывалось на мельничный шум и на мельничный запах. И казалось, ничто никогда не остановит эту мучную ласковую, теплую хлебную струю, она текла, как родная вода, как само непрерывное и вечное время...»

Но трагизм времени заключался в том, что иступленная, слепая сила, умеющая и желающая прервать эту вечную мучную струю, все-таки нашлась. Исследованию ее и посвящает свою хронику Василий Белов.

Главный конфликт хроники проявляется в столкновении слепой, не ведающей законов жизни силой и силой созидающей. Не увидеть этого — значит преднамеренно тенденциозно толковать произведение, а значит, и отмахиваться от тех проблем, которые в нем затронуты. Но во благо ли это нашей жизни, перестройке, будущему?..

П. ТКАЧЕНКО.